

2. Из беседы М.С. Горбачева с Х. Тельчиком 14 мая 1990 года // Архив Горбачев-Фонда. – Фонд № 1. – Опись № 1 [Электронный источник]. – Код доступа: http://www.rodon.org/other/mgigv/1990_8.htm. – Время доступа: 30. 09. 2008
3. Delegationsgespräch des Bundeskanzlers Kohl mit Präsident Bush Washington, 17. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
4. Gespräch des Bundeskanzlers Kohl mit Außenminister Hurd Bonn, 15. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
5. Gespräch des Bundeskanzlers Kohl mit Ministerpräsidentin Prunskiene Bonn, 11. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
6. Gespräch des Bundeskanzlers Kohl mit Präsident Bush Washington, 8. Juni 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
7. Gespräch des Bundeskanzlers Kohl mit Vertretern der Studiengruppen über Deutschland des amerikanischen Kongresses Bonn, 29. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
8. Schreiben des Bundeskanzlers Kohl an Präsident Gorbatschow Bonn, 22. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
9. Schreiben des Bundeskanzlers Kohl an Staatspräsident Mitterrand Bonn, 23. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
10. Schreiben des Präsident Gorbatschow an Bundeskanzler Kohl 9. Juni 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
11. Teltschik, H. 329 Tage: Innenansichten der Einigung / Horst Teltschik. – Der Goldmann Verlag, 1993. – 381 s.
12. Vorlage des Ministerialdirektors Teltschik an Bundeskanzler Kohl. Bonn, 8. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.

ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ПРЕДВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.

Ковалёва Н.Н.

УО « Брестский государственный технический университет », г. Брест

Советское государство конца 20–30-х гг. XX в., когда оформился и укрепился авторитарно-тоталитарный режим, являло собой образец страны, где идеология не возникала стихийно, а формировалась и внедрялась в массы путём активной идеологической работы. Здесь действительно слово пропаганда (лат. *propaganda* (дословно) — «подлежащая распространению (вера)», от лат. *propago* — «распространяю») означало распространение идей, и идеология определяла пропаганду, в то время как в большинстве демократических государств уже возникли новые отношения между идеологией и пропагандой.

Целенаправленное воздействие на сознание масс с помощью пропаганды было возможным и эффективным при том типе политической культуры, который сложился в СССР: тоталитарный тип, либо, как определяют некоторые исследователи, «подданныческая» политическая культура. Тоталитарный тип, как правило, основывается «на культе борьбы, используемом в качестве универсального метода в решении и созидательных, и разрушительных задач, ориентации на конфронтацию... и воспитание таких качеств, как нетерпимость к малейшему инакомыслию» [1, с. 100]. Этим объясняется широкое использование в пропагандистской работе негативно окрашенных идеологием («враг», «фашизм», «фашистские государства»), наряду с позитивно окрашенными («новое общество», «светлое будущее»). Идеологема (как трактует философский словарь) – это политический термин, часть какой-либо идеологии, элемент идеологической системы, не имеющий строго определённого значения. Её значение меняется в соответствии с политической прагматикой. Идеологема всегда эмоционально окрашена, легко запоминается и создаёт иллюзию понимания у объекта манипуляции.

Центральная идеологема советской пропаганды – «враг» – после официально принятого коммунистической партией курса на построение социализма в одной отдельно взятой стране применялась по отношению ко всем противникам этой идеи, как внутри страны, так и за её пределами. Причем, враги традиционно подразделялись на внутренних (представители бывших привилегированных классов) и внешних (мировая буржуазия, фашисты, империализм). Понятие внешнего врага трактовалось достаточно широко: сюда включались все государства, организовавшие интервенцию против Советской России в 1918–1922 гг., и государства, которые чисто гипотетически могли иметь какие-то претензии к СССР.

Вероятность и даже неизбежность войны с капиталистическими странами была характерной чертой массового сознания советского общества межвоенного периода. Известный писатель Лион Фейхтвангер в книге «Москва 1937», делая попытку анализа настроения советских людей, отмечает, что «в Советском Союзе каждый на все сто процентов уверен в предстоящей в ближайшем будущем войне» [2, с. 58]. Уверенность советских граждан в неизбежности войны базировалась на сформированном пропагандой представлении о том, что ярую ненависть капиталистических государств к Советскому Союзу вызывают его неоспоримые успехи на пути строительства нового общества. «Уже одно растущее с каждым днём процветание нашей страны, говорят советские люди, является таким очевидным опровержением всех фашистских теорий, что фашистские государства должны, если хотят сами жить, нас уничтожить» [2, с. 58]. В подобном утверждении явно прослеживается сложившееся в массовом сознании представление о причинах возможной войны, её вероятном классовом характере и гипотетической противнике (враге), каковым будут «фашистские государства».

«Фашизм» – самая популярная идеологема советской пропаганды предвоенного времени. Значение этого понятия менялось многократно. Впервые термин фашизм появился в советской пропаганде летом 1922 года и использовался для обозначения идеологии сторонников Муссолини в Италии, называвших себя «фашистами». Однако в конце того же года идеологема «фашизм» была использована советскими пропагандистами для характеристики неитальянских антикоммунистических движений в европейских странах. На протяжении 1920-х годов данный политический термин употребляется в советских газетах для обозначения самого широкого спектра сил: от НСДАП в Германии до европейских социал-демократов («социал-фашистов», как их называли). Тезис об «объективном тождестве социал-демократии и фашизма», по крайней мере, умеренного крыла фашизма, был оправданием не столько подавления

оппозиция внутри Коминтерна и превращения его в агентурную сеть агитпропа и разведки СССР, сколько разрыва с западными левыми политическими организациями, интеллектуальными течениями, прежде всего — социалистическими движениями, оправданием освобождения советской партийной верхушки от внешнего контроля и критики (с позиций, пусть и остаточных, но все же норм европейской политической культуры) [3]. В 1933 году понятие «фашизм» синонимизируется с гитлеровским режимом в Германии, который, в отличие от режима Муссолини, был расистским. Однако идеологема продолжает использоваться и для характеристики других враждебных СССР режимов: Польша, Финляндия и пр.

Интересно, что до XVII съезда ВКП (б) (1934 г.), на котором об опасности, исходящей от фашистской Германии, открыто говорит только опальный Бухарин, и до VII конгресса Коминтерна (1935 г.), где новое определение фашизма прозвучало в речи Георгия Димитрова, в советской пропаганде отсутствовало чёткое определение потенциального врага. Считалось, что опасность для СССР представляют все капиталистические государства. Вступление СССР в Лигу Наций (1934 г.), предпринятая им попытка создания системы коллективной безопасности и, соответственно, сближение с некоторыми капиталистическими государствами (Францией, Чехословакией) привело к пониманию необходимости разграничения государств фашистских, от которых исходит реальная опасность, и прочих капиталистических государств.

Во второй половине 1930-х годов политический термин «фашизм» использовался и для характеристики «внутренних врагов» — подсудимых на «Московских процессах». Можно вспомнить и об обвинениях в адрес национал-демократов в БССР, которые в конце тридцатых годов получили новые сроки тюремного заключения и были представлены как фашистские агенты. Таким образом, к концу 1930-х годов идеологема «фашизм» стала универсальной. По отношению к одним и тем же силам идеологема могла в одно время применяться, а в другое — не применяться. Так, понятие «фашизм» исчезло из советской публицистики на время действия Договора о ненападении между СССР и Германией (август 1939—июнь 1941 гг.).

Безусловно, для СССР победа в Великой Отечественной войне была, в значительной степени, победой моральной, победой духа народа, ставшего источником массового героизма. В этой связи можно говорить об эффективности работы советской пропагандистской машины. Действительно, даже сам расплывчатый, упрощённый характер трактовок идеологом «враг», «фашизм» помогал формированию в советском обществе необходимого патриотического настроения. «Массовым же адресатом пропаганды на всем протяжении существования советского государства были зависимые от власти группы населения с ограниченными социальными, культурными и интеллектуальными ресурсами, испытывающие информационный дефицит (или, точнее, пребывающие в информационном вакууме). Это не было всё население, а лишь относительно образованная, городская его часть, которой могли быть доступны и как-то понятны искусственные риторические композиции пропаганды [3]. Число грамотных в Советском Союзе к 1939 г. (с высшим, средним и неполным средним образованием, т. е. людей, способных не только читать, но и понимать прочитанное) не превышало 8% [4]. На них и были ориентированы газеты и литературные произведения, подвергшиеся предварительной цензуре. Государство административно контролировало процесс публикации книг, цензоры бдительно выявляли идеологическую направленность произведений. В советской литературе враг (пускай даже это человек сомневающийся, или просто растерявшийся) ни в коей мере не мог быть главным героем, а только фоном для изображения героев положительных, строителей нового общества. В лучших детских книгах предвоенного времени В.А. Каверина «Два капитана», А.П. Гайдара «Тимур и его команда» исключительно привлекательно рисуются герои, которые, как Тимур, являются решительными и смелыми, патриотами, любят

Красную Армию, оказывают помощь семьям призванных в армию красноармейцев. Им, как правило, противостоят шпионы и вредители, в отношении которых герои проявляют бдительность, раскрывают их коварные замыслы и т.д. [5, с. 15].

Главными формами пропагандистской работы среди населения, имеющего низкий образовательный уровень, становились средства массовой информации, иллюстративного характера (плакаты, кинофильмы, мультипликационные фильмы). Здесь враг представлялся, как правило, в гипертрофированно карикатурном виде, с неприятными или комическими чертами. В нём не было ничего возвышенного, демонического. Человеческая «ничтожность» врага должна была по контрасту возвысить образы позитивных персонажей.

В плакате и в карикатуре это было доведено до предельного буквализма. Упор делался на отличие размеров своего и чужого, сопоставление светлого и тёмного: мускулистая рука рабочего разбивает цепи капиталистической эксплуатации; громадный белый пароход (аллегорическое изображение строительства нового) раскидывает и топит черные силуэты маленьких кораблей с выпрыгивающими из них фигурками капиталистов, генералов и попов [3]. Враги чаще всего представлялись в образе монстров: извергов, чудовищ, для описания которых использовались архаические семантические элементы (змеи, насекомые, особенно – пауки, обитатели болот, подземного мира).¹

Конечно, мир советской пропаганды был крайне формалистичным, шаблонным, условным. Это был, как сегодня сказали бы, виртуальный мир официальных мифов, ритуалов солидарности, организованной коллективной ненависти, борьбы и изгнания демонов. Жёсткий партийный контроль за литературным и художественным творчеством со стороны вышестоящих инстанций неизбежно порождал примитивизм, схематизм и безжизненность. Многие произведения не отличались оригинальностью, в них беззастенчиво клишировались образы врагов и положительных персонажей, поэтому были скучны и неинтересны. Однако уже получившие изначально положительную оценку в верхах и поэтому подлежащие обязательному изучению (восхищению, принятию в качестве образцов для подражания и т.д.), они становились обязательной составной частью социального ритуала поиска и изгнания врагов. Соглашаясь с тем, что пропаганда всё больше становилась формальной, нельзя отрицать её эффективности, как важнейшего средства идеологической деятельности. Действенность советской пропаганды напрямую проявилась в подготовленности советского общества к войне.

Действительно, для современного человека основные приёмы и средства советской пропаганды предвоенного времени выглядят достаточно примитивными. Однако наша задача заключается в оценке эффективности деятельности советской пропагандистской машины по подготовке страны к отражению возможной агрессии. Думается, что внедрение всеми возможными способами в массовое сознание идеологом «враг», «фашизм» (при достаточно широкой и меняющейся трактовке сути этих понятий) содействовало:

1) формированию у советских людей (причём, у различных групп населения) чувства ненависти к врагу, желания истреблять его до его полного уничтожения, что стало источником массового героизма. В Великой Отечественной войне, где столкнулись две противоположные идеологические системы, как ни в какой другой, победа определялась состоянием морального духа советских людей, их волей к победе. Говоря словами В.И. Ленина, «Во всякой войне победа, в конечном счете, обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь» [6, с. 25];

¹ См. приложение: плакаты из книги: «Кудин П., Ломов Б., Митькин А. Психология восприятия и искусство плаката. – Москва: «Плакат», 1987».

2) помогло советскому руководству решить ряд внешнеполитических задач (присоединение западно-белорусских, западно-украинских, прибалтийских территорий, проведение войны с Финляндией), умело расширив трактовку идеологемы «врага», включив туда в нужный момент и «белофиннов» и «белополяков», при этом получив одобрение советских людей и не вызвав раскола в обществе;

3) дало возможность руководству в послевоенный период легко произвести трансформацию общественного сознания, заменив сформированное в годы войны восприятие Великобритании и США в качестве союзников, на их трактовку в качестве врагов в холодной войне.

Вместе с тем, расплывчатость трактовок «врага» и «фашизма» небезосновательно рождало у руководства западных государств (Великобритании, США, Франции и др.) недоверие к Советскому Союзу, что, в определённой степени, помешало их сближению с СССР и снижало потенциальную возможность предотвращения войны. Негативную роль, в своё время, сыграло и включение в разряд фашистов европейских социал-демократов, что воспрепятствовало своевременному формированию народных фронтов и созданию, тем самым, надёжного щита против распространения фашизма.

Список цитированных источников и литературы

1. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты. Учебно-методическое пособие для высших учебных заведений. – Минск. РИВШ БГУ, 2003.
2. Лион Фейхтвангер. – Москва, 1937. (Репринтное воспроизведение издания 1937 года – Талин, 1990.)
3. Гудков, Лев. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. Авторский сборник. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/gudkov1.htm> .
4. Грамотность населения СССР по данным переписей 1926, 39 и 89 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://abcdefgh.livejournal.com/1072373html>. – Дата доступа: 24.09. 2010.
5. Фатеев, А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР (1930–1950 гг.). – М., 2007. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/detlit.htm> – Дата доступа 20.09.2010.
6. Цитируется по книге: Д. А. Волкогонов. Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания. – М.: Воениздат, 1983.

